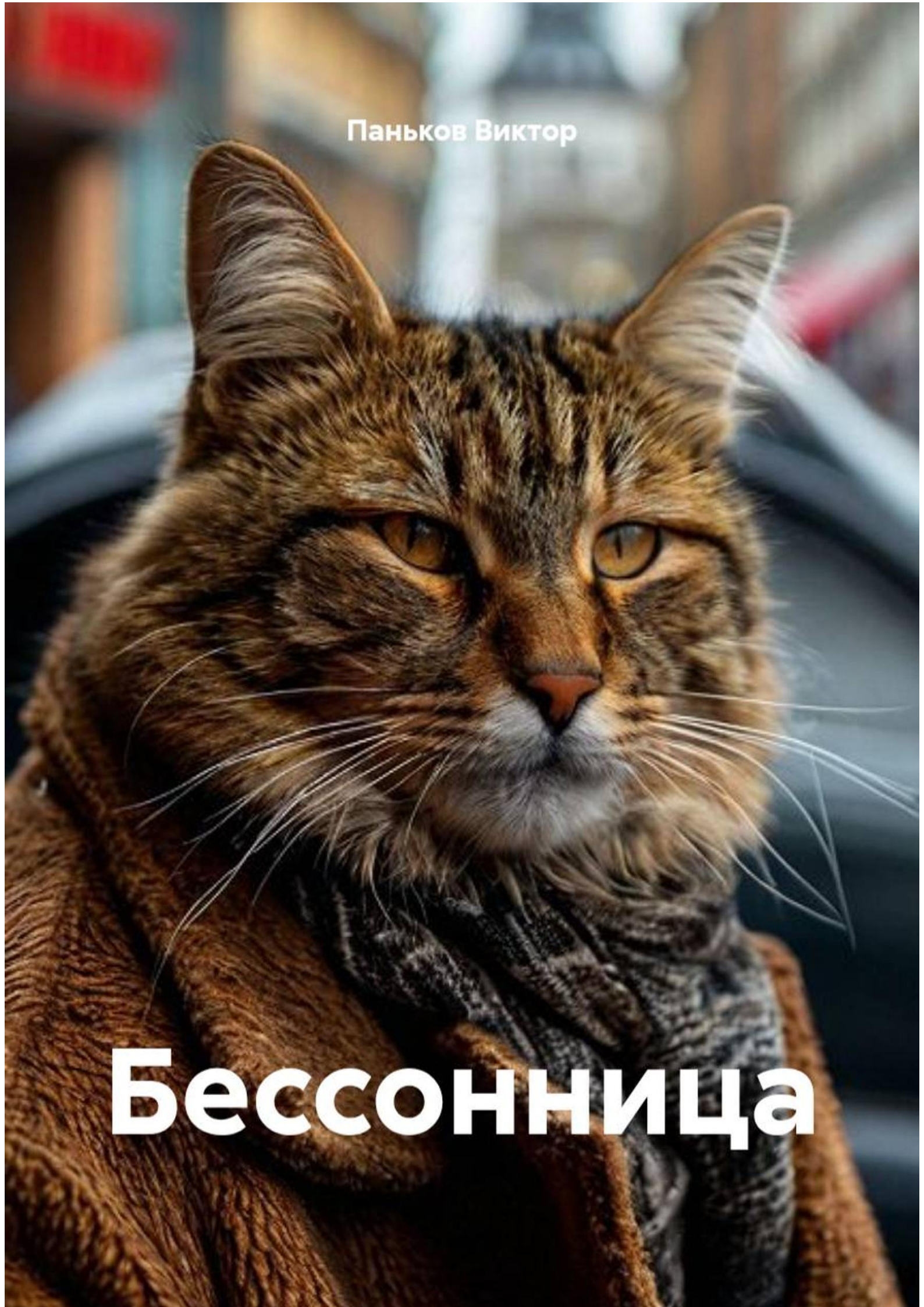

Паньков Виктор

Бессонница

Паньков Виктор

Бессонница

«Автор»

2026

Виктор П.

Бессонница / П. Виктор — «Автор», 2026

Три коротких рассказа, попытка уснуть, исповедь таксиста, переезд кота из Санкт-Петербурга в Иркутск

© Виктор П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Как Леся Питерский нашел свой меридиан.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Паньков Виктор

Бессонница

Глава

Час ночи. Я лежу. Не сплю. В комнату заходит жена. Говорит:— Ты что, опять не спишь? — Нет, — отвечаю. — Я тренируюсь.— В чём?— В засыпании. Она уходит. Хлопает дверью. Я остаюсь. Говорят, раньше помогали овцы. Считай овец — и уснёшь. Но овцы — народ ненадёжный. Они посмотрели на мою жизнь, на мои метания, на мои «всё надо решать» — и разбежались. Кто в лес, кто по сусекам. Одна, говорят, в Госдуму подалась. И остался я один. В темноте. С мыслями. И решил я: раз овцы ушли, буду считать бегемотов. Бегемот — животное серьёзное. Бегемот не суетится. Бегемот — это уверенность. Это вес. Это «я тут, и мне не надо никуда». Но тут выяснилось: я не помню, как выглядит бегемот. В памяти — что-то большое. Что-то, что занимает много места и не спрашивает разрешения. Но это, в принципе, может быть и холодильник. И начальник. И ипотека. Первый бегемот получился неуклюжий. Сидит в углу. Сопит.— Ты настоящий? — спрашиваю.— Настоящий, — говорит бегемот. — Но ты на меня из усталости смотришь. Поэтому я как бы не в фокусе.— А почему ты серый?— Потому что ты не выспался.— А почему ты в тапочках?— Это ты в тапочках. Я — босой. И я понял: дело не в бегемоте. Дело в том, что в голове. А в голове — проблемы. Их много. И они не спят. Они ходят по комнате, как гости, которые не знают, когда уходить, и ещё просят чай. И я решил: сначала — лес. Где-то я слышал: представь себя в лесу. Лес — это покой. Лес — это тишина. Лес — это когда деревья растут, а ты не обязан им мешать. И я закрыл глаза. И начал рисовать лес. Сначала — деревья. Высокие. Прямые. Как колонны в банке. Потом — траву. Зелёную. Мягкую. Как ковёр в рекламе. Потом — воздух. Свежий. Чистый. Как в кондиционере. Но тут выяснилось: в лесу тоже есть проблемы. Деревья — не те. Трава — не там. Воздух — не такой. — Почему дуб такой кривой? — спрашиваю.— Потому что ты его из тревоги растишь, — отвечает бегемот.— А почему трава шуршит?— Потому что ты её слушаешь.— А почему в лесу моя бывшая?— Потому что ты её не отпустил. И я понял: лес не помогает. Потому что он — не настоящий. Он — попытка. И я решил: проблемы — в небо. У меня были шарики. Воздушные. Разноцветные. И прищепки. Золотые. Я брал проблему. Например: «Почему я не тот?». Привязывал к шарiku. Золотой прищепкой. И шарик — вверх. И улетало. Брал другую: «А что, если всё не так?». Золотая прищепка. Шарик — вверх. И вроде легче. Но тут появилась прищепка. Простая. Пластмассовая. Из детского конструктора.— А если этой? — подумал я. — Золото — это для важных. А это — для повседневных. И я привязал проблему. Пластмассовой прищепкой. Шарик взлетел. И остался. Под потолком. Я привязал другую. И другая — туда же. Я привязал третью. И третья — в компанию. И тут я заметил: они не улетают. Они — там. И они начинают разговоры.— Ты кто? — спрашивает один шарик.— Я — «не дождал».— А я — «мог бы».— А я — «в следующей жизни». И они начинают меняться местами. Соприкасаться. Шуршать. Один шарик даже лопнул. От перенапряжения. И я понял: я не отправил проблемы. Я их организовал. Раньше они были внутри. Теперь они — снаружи. Но они — здесь. И бегемот, который сидел в углу, вздохнул.— Ну вот, — сказал бегемот. — Управление.— А что делать? — спросил я.— Ничего, — сказал бегемот. — Просто лежать.— А они?— А они привыкнули. И я лёг. И бегемот лёг. И лес, который я пытался вырастить, свернулся в уголок. Как коврик. И шарики под потолком ещё немного пошуршали, пошептались, поменялись местами — и притихли. Один шарик, самый маленький, с надписью «а вдруг?», медленно подплыл к моему лицу. И я замер.— Что ты? — спросил я.— Я — последняя, — сказал шарик.— Последняя что?— Последняя проблема.— А где остальные?— Они улетели.— Куда?— В лес.— Зачем?

— Там овцы. И тут я понял: овцы не разбегались. Они просто ушли в лес. И забрали с собой мои проблемы. И я заснул. Потому что главное — не шарики. Не прищепки. Не бегемоты. Не лес. Главное — перестать пытаться быть богом для своих мыслей. А овцы... Овцы вернуться. Когда поймут, что их никто не считает. Но это — уже другая история.

Как Леся Питерский нашел свой меридиан.

(Опыт естественно-научного наблюдения с элементами лирики) В Иркутске, который географы называют столицей Восточной Сибири, а местные — просто «городом», на пятом этаже панельной пятиэтажки, ориентированной окнами на северо-восток, существовала экосистема, требующая отдельного картографирования. Квартира, где обитали три представителя фауны, была замкнутым биотопом со своими климатическими зонами: тёплый диван в гостиной, холодный подоконник на кухне и нейтральная полоса коридора, где происходили основные геополитические события. Первым аборигеном был Тоша — кот сибирской породы, чья лохматая серая шерсть напоминала облака над Саянами, а внушительные габариты позволяли сойти за медведя-подростка, решившего вести оседлый образ жизни. Тоша обладал важностью коренного сибиряка, знающего цену морозам и человеческому теплу, и относился к жизни с той неторопливой серьёзностью, с какой геолог относится к керну — мол, всё уже видели, всё знаем, но надо ещё раз проверить. Второй обитательницей была девочка йоркширского терьера, которая по паспорту значилась как Клэр. Имя французское, светлое, прозрачное, как горный ручей. В нём слышалось «clarus» — ясный, чистый, открытый. Все ждали, что Клэр станет воплощением гармонии: эмоционально стабильной, коммуникабельной, с тонким чувством справедливости. Может быть, где-то в параллельной вселенной так и случилось. Но в нашей, иркутской, реальности французское благородство разбилось о суровую сибирскую практичность. Клэр оказалась маленьким диктатором в пушистом теле. Её повадки с первых дней перечеркнули всю романтику имени. Она не была ясной — она была хитрой. Не прозрачной — а пронизательной до цинизма. Не открытой — а настойчивой до зубовного скрежета. Харизма у неё, безусловно, имелась, но это была харизма полевого командира: она мгновенно проверяла границы, настойчиво двигалась к цели и умело манипулировала всеми, включая людей. Через неделю все забыли, что её звали Клэр. Осталась Жуля. Жуля — имя короткое, ударное, звучащее как выстрел. Или как рык, который она издавала, когда что-то шло не по её плану. Зимой Жуля реализовывала свой архитектурный талант: она собирала покрывало с дивана в огромную кучу, вила из него подобие гнезда, забиралась в центр, сворачивалась клубочком и засыпала. Это гнездо было её крепостью, откуда она наблюдала за порядком в доме и периодически издавала командные сигналы, если порядок нарушался. И вот в эту устоявшуюся географию вторглась третья точка — кот по имени Леся, которого дочка, учившаяся в Питере на географа, привезла из приюта. Географы вообще народ сострадательный: они привыкли описывать чужие земли и проникаться судьбами их обитателей. Леся был рыжий, с белой манишкой, как у полярного исследователя на официальном портрете, и белыми носочками, будто он только что вышел из Невского, обходя лужи. Дочка взяла его студенткой, в промозглой комнате на Васильевском, а когда пришло время возвращаться в Иркутск, рука не поднялась сдавать кота обратно. Приют — это казённый дом с казёнными правилами, и душа Леси навсегда сохранила отпечаток той жизни: он любил одиночество, уединение и долгое созерцание каких-нибудь мелких предметов, в которых искал, вероятно, тот самый смысл, который люди ищут в книгах. Перелёт из Петербурга в Иркутск занял несколько часов, но Леся летел будто сквозь время: из эпохи дождей и Достоевского — в эпоху солнца и геологических разломов. Первые две недели он картографировал квартиру изнутри, выбирая самые недоступные точки: под ванной, за шкафом, между стеной и батареей. Он не прятался — он осваивал пространство тактически, как разведчик перед наступлением. А когда вышел, хозяйка — географ по образованию, но не по должности — сразу отметила его походку. Косолапый пережат, неуклюжесть, будто он шёл по топографической карте, не совпадающей с рельефом местности. Диагноз «плоскостопие» был поставлен быстро и безапелляционно. Но со временем в этой походке проявился странный шарм. В ней стали видеть не болезнь, а аристократическую ленцу — намёк на графские

крови, на те времена, когда дворяне на балах изображали усталость от жизни. Особенно контрастно эта графская ленца выглядела в минуты, когда Леся нёсся на кухню за едой. Он превращался в баллистическую ракету, не способную, однако, рассчитывать траекторию. Чашка с водой, стоявшая на тумбочке у кухонной двери, была его постоянной жертвой. Она падала с завидной регулярностью, вода разлеталась по линолеуму веером, а Леся замирал посреди этого потопа с видом Наполеона, обнаружившего, что его армия увязла в грязи. Он поворачивал голову, смотрел на хозяйку, и в его взгляде читалось: «Я ли виноват, что здесь поставили чашку, а там уже открылась бездна?» Прошёл месяц. Леся, будучи географом по духу, освоил главную топографическую особенность квартиры: хозяйка возвращается с работы в одно и то же время, и её приближение можно вычислить по ослаблению запаха. Животные, как известно, измеряют время носом — по концентрации улетающих феромонов. У Леси эти внутренние часы оказались хронометрами швейцарской сборки: он начинал метаться у порога за одиннадцать минут до звонка. Тоша, сибирский барин, взирал на эту суету со своим коронным снисхождением: беготня, мол, недостойна статуса, встречать надо лёжа. Но Тоша был мудр и уважал чужие привычки, поэтому просто уступал Лесе коридор, как более широкую полосу отчуждения. В быту они исповедовали разные философские школы. Тоша с упорством геолога, пробивающего шурф, драл когти о диван — систематически, методично, оставляя на обивке параллельные ряды, похожие на геологические разрезы. Леся считал это варварством, несовместимым с представлениями о культурном пространстве. Он церемонно шёл к когтеточке, купленной по рекомендации зоопсихолога, и демонстративно точил когти там. После этого он бросал на Тошу взгляд, в котором читалась укоризна почти как у Ломоносова, смотревшего на невежество современников. Тоша в ответ лишь приоткрывал один глаз: «Всё пройдёт, и диван, и когтеточка, и мы сами». Бегать с Тошей Леся не любил. Он был кот-одиночка, почти отшельник. Он находил фантик или сухой листочек, уединялся в углу и погружался в созерцание. Он смотрел на фантик так, будто это был спутниковый снимок неизведанной территории, и решал — куда он, этот фантик, движется, и каково его географическое предназначение. Тоша в такие минуты думал о том, что мир необъятен, а жизнь коротка, и поэтому лучше поспать. С Жулей у котов сложились отношения, требующие отдельного трактата по политической географии. Они замечали её в основном на кухне, когда все трое сбегались к мискам. Там начиналась локальная война за ресурсы, и каждый пытался заглянуть в чужую чашку. Однажды хозяйка рассыпала на полу клубнику. Жуля прибежала первой и с такой театральностью, с таким упительным чавканьем принялась есть ягоду за ягодой, будто брала интервью у каждого кусочка. Её мордочка изображала неопишное блаженство — смесь экстаза и победы. Леся и Тоша смотрели на неё с завистью, которую пытались скрыть за напускным равнодушием. Иногда коты пытались задираться с Жулей. Особенно Леся, который ещё не до конца осознал иерархию. Он подходил к её гнезду на диване, принохивался, пытался задеть лапой покрывало. И тогда Жуля издавала короткий, утробный рык. Не лай, не скулёр, а именно рык — низкий, горловой, похожий на звук работающего двигателя внутреннего сгорания. Это было не предупреждение — это был приказ. И Леся замирал на полпути, потому что в этом рыке читалось то, что географы называют «абсолютной отметкой»: выше нельзя, дальше не пройти, граница закрыта. Тоша, знавший Жулю дольше, даже не пытался. Он просто смотрел на Лесю и чуть заметно улыбался: «Я же говорил, новичок». Самое удивительное в этой истории — лояльность Тоши. Сибирский барин, привыкший к единоличному владению теплом и едой, принял Лесю как данность, как приток, впадающий в Ангару. Он не воевал, не метил углы, не устраивал драк. Он просто решил, что этот косолапый питерец — теперь часть ландшафта. Жуля, со своей стороны, тоже пыталась наладить контакты: она приносила к котам мячики, бегала вокруг них, виляла хвостом, приглашая к игре. Но Леся и Тоша синхронно поворачивали головы и смотрели на неё с выражением, которое можно перевести с кошачьего как: «Общение возможно и допустимо, но не сейчас. Мы думаем. Мы созерцаем. У нас — более высокие материи». Жуля

вздыхала, возвращалась в своё гнездо и начинала его перенастраивать, что-то там перекладывая, чтобы соответствовало её архитектурным замыслам. Вечером, когда, по научной литературе, кошек следовало гладить раздельно — одну в спальне, другую в гостиной, чтобы избежать конкуренции, — происходило нарушение всех правил. Леся, Тоша и Жуля являлись в гостиную одновременно и укладывались втроём, как три притока, сливающиеся в одну реку. Они знали: если лечь вместе, то никого не пропустят, все получают свою порцию ласки. И хозяйка гладила их по очереди — косолапого питерца, лохматого сибиряка и пушистого диктатора, — а они лежали, зажмурившись, в удивительной гармонии. Леся от удовольствия засыпал, и розовый кончик его языка вываливался наружу — крошечный флаг на карте блаженства. Днём, когда квартира пустела, Леся и Тоша забирались на подоконник и смотрели на птиц. Тоша — с философским спокойствием, как на привычные объекты наблюдения. Леся же при виде воробья замирал, забывая дышать, и в этом замирании было столько восторга, будто он увидел не птицу, а золотое сечение Вселенной. Он мог сидеть неподвижно часами, и казалось, что его душа, как спутник, выходит на орбиту и оттуда наблюдает за миром, который стал для него родным. И в этой трёхмерной, сложной, почти географической системе, где каждый был сам по себе, но все вместе составляли одно целое, царил тот удивительный порядок, который не опишешь ни в учебниках, ни в диссертациях. Потому что он был живой. И чашка с водой всё ещё стояла на тумбочке, и Леся, пробегая, всякий раз смотрел на неё с тревогой: «Сейчас? Или позже?» И когда она падала, и вода разлеталась по полу, все уже знали — это просто Леся, это его подпись, его меридиан, его личная география падений. А вечером они лежали втроём. Потому что дружба — она как ландшафт: её нельзя нарисовать по линейке. Её можно только прожить. Каждый день. Вместе. Даже если один из тебя — граф с плоскостопием, второй — барин с диваном, а третья — йорк, который по паспорту Клэр, но который всех уже давно построил коротким рыком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.